

А.И.Швырков

ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИЕЙ И РЕАЛЬНОСТЬЮ

Ключевые слова: политическая реальность, политический факт, политическая теория, причинность

Представление проблемы

¹ Киссинджер
[Kissinger] 1997.

Замысел исследования, результатом которого стала эта статья, возник несколько лет назад, после того как я прочитал «Дипломатию» Генри Киссинджера¹.

Как известно, одна из важных идей этой книги состоит в том, что США практически с момента своего выхода на международную арену стремились привнести в организацию международных отношений принципы христианской морали, причем в ее межличностном, а бы даже сказал, внутрисемейном варианте. Данная идея сразу же вызвала у меня недоумение, ведь она очевидным образом противоречила многочисленным фактам, вроде бы свидетельствующим о последовательно агрессивной внешней политике Америки, проводимой на протяжении как минимум последних 150 лет. Более того, когда я читал «Дипломатию», я считал самого Киссинджера (в основном под влиянием еще советской пропаганды) довольно одиозным политиком, неоднократно уличенным в махинациях и проч.

Возникало странное и, казалось бы, очевидное противоречие. Причем его, как я тогда уже подозревал, нельзя разрешить, просто сославшись на то, что Киссинджер отработывал идеологические установки. И дело даже не в том, что он их не отработывал. Думаю, как раз этим он во многом и занимался. Дело в другом. А именно в том, что он смог написать подобную книгу, в том, что теория, представленная в этой книге, хотя и игнорировала множество фактов, которые легко могли быть истолкованы как противоречащие ей, тем не менее выглядела вполне логичной, обоснованной, такой, которой *трудно не верить* (или, по крайней мере, к которой трудно не отнестись серьезно, то есть не как к «чистой пропаганде»).

В те времена я был членом одной из украинских партий и поэтому на собственном опыте — а не только из книг — знал, как иногда *странно независимо* друг от друга могут существовать политические теории, с помощью которых политики обосновывают те или иные свои действия, и то, что есть «на самом деле».

В конце концов мои размышления вылились в краткий вопрос: как реальность все это терпит? Что касается проблемы, анализом которой я займусь на следующих страницах и которая представляет собой

уточнение, конкретизацию этого вопроса, то ее можно сформулировать следующим образом: *каковы отношения между политической теорией, политическими фактами и политической реальностью?*

Сказанное выше ни в коей мере не является обоснованием актуальности данной проблемы и, может быть, даже не способствует прояснению ее смысла. Единственная цель этого короткого вступления заключается в том, чтобы связать только что сформулированную проблему с личным опытом, показать, что речь идет не об отвлеченной игре ума. Добавлю также, что хотя изначально мои поиски были, возможно, инспирированы недостаточно глубокими знаниями, последующие размышления лишь укрепили мою уверенность в том, что *здесь действительно все не так просто*.

Ниже я попытаюсь провести предварительный анализ обозначенной проблемы и наметить пути ее решения.

Прояснение основных понятий

Итак, начальный материал для политологического анализа — это *факты*. Например, «президент сказал то-то», «избиратели проголосовали так-то», и т.д. и т.п. Однако то, что мы называем фактами, — это уже результат некоторой предварительной работы. Ведь нам же надо было хотя бы разграничить политические, экономические, физические, исторические и т.д. феномены. То есть факты — это уже некий *полуфабрикат*.

Как *политический* факт возможен только благодаря *политической теории*. Факт немислим в отрыве от некоего концептуального поля, обеспечиваемого, задаваемого теорией. Другими словами, до того, как появляется соответствующая теория, политических фактов не существует². Вместе с тем это вовсе не означает, что политическая теория является *до* политического факта или *независимо* от него. Думаю, речь следует вести о некоем *сдвиге в сознании*, порождающем и политическую теорию, и политические факты. И опять-таки сам по себе этот сдвиг не обязательно должен выразиться в создании той или иной политической теории. Скорее он приводит к тому, что какие-то ранее созданные теории начинают восприниматься как политические³.

Важно отметить, что как только происходит подобный сдвиг, мыслить в качестве неполитических затронутые им факты и теории становится очень трудно, i.e. становится трудно представить, что когда-то эти факты и теории политическими не являлись.

Количество фактов и количество теорий всегда коррелирует между собой. Умножение числа теорий неизменно означает и умножение числа фактов. Тем не менее это умножение не всегда *пропорционально*. Но об этом позже.

После опознания некоторого факта как политического он подвергается анализу или, по-другому, *интерпретируется*. Например, мы можем попытаться понять, почему президент сказал то-то, какими будут последствия голосования избирателей и т.д. При этом факт как

² Ср. описание Мишелем Фуко того, как конструировалось «безумие» (Фуко [Foucault] 2010).

³ Именно это, на мой взгляд, произошло с теориями Платона и Аристотеля. До этого их «политические» произведения могли рассматриваться лишь как учения о справедливом общественном устройстве или просто о справедливости.

таковой нас чаще всего не интересует, нас интересует то, что *скрывается* за ним, то есть *другие факты*. Ведь *факты можно найти всегда*, i.e. невозможно представить себе ситуацию, когда факты вдруг «заканчиваются» — сама эта фраза звучит нелепо. Другое дело, что нам не всегда хочется их искать либо мы ограничены во времени, в средствах и т.д.

Часто нахождение новых фактов представляет собой что-то вроде «деления», «разложения» первоначального факта.

NB! Пусть исходным фактом будет, скажем, решение президента США ввести войска в некую страну. Если мы начнем «копать» дальше, то обнаружим, что этому решению предшествовали консультации с конгрессом, лидерами других государств и т.п., если копнем еще глубже, возможно, окажется, что это решение было выгодно «денежным мешкам», финансировавшим президентские выборы. И т.д., и т.д. Таким образом, первоначальный факт может содержать в себе множество других фактов.

Анализ (интерпретация) фактов осуществляется с помощью теории. Если мы видим, что нам не удается связать некое множество фактов в более или менее строгую систему (то есть мы не можем сказать, какой из фактов влечет за собой данный и почему), мы считаем себя обязанными создать новую (или модифицировать старую) теорию, которая бы это позволяла.

То, откуда мы черпаем факты (с помощью теории), я называю *реальностью*. Реальность непостижима, бесконечна, неисчерпаема и т.д. Она подобна *Богу* средневековых философов или *Непостижимому* Семена Франка⁴.

⁴ Франк [Frank] 1990.

Может возникнуть вопрос: нуждаемся ли мы в понятии реальности, употребляемом в *таком* смысле, то есть нужна ли нам в теории реальность как нечто отличное от *фактов*? Ведь теории, похоже, говорят только о фактах, толкуют, интерпретируют только факты, а значит, можно предположить, что они и *соотносятся* только с фактами (лучшее подтверждение тому — процедура *верификации*). Следующий вопрос: нуждаемся ли мы в *таком образом* понимаемой реальности в политологии и социологии? Возможно, на том уровне абстракции, на котором действуют социально-политические теории, без нее вполне можно обойтись? Наконец, даже если предположить, что понятие реальности, реальности как чего-то большего, чем просто набор фактов, в социально-политической теории все-таки необходимо, то как с ним можно *работать* (и можно ли вообще)?

Наиболее убедительный ответ на последний вопрос, вероятно, может быть дан в *практической* плоскости — путем создания теорий, которые действительно имеют дело с таким образом понимаемой реальностью. Данная статья в значительной своей части — это набросок подобной теории. Что касается других вопросов, то сейчас я на них попытаюсь вкратце ответить.

Прежде всего следует отметить, что четкой границы между политическими (а также социологическими) и философскими теориями до сих пор нет, и довольно часто политологи и социологи просто *вынуждены* копать глубже, чем им, возможно, хотелось бы (говорю это, руководствуясь и собственным опытом). Прояснение понятия реальности — как раз та работа, которую им при этом приходится выполнять⁵. Причем важно даже не то, что они проясняют его недостаточно «профессионально» (по сравнению с философами), и не то, что они в конце концов останавливаются на таком понимании реальности, которое не слишком отличается от совокупности фактов, а само осознание ими необходимости подобного прояснения. Другими словами, даже действуя на уровне конкретных наук, мы часто сталкиваемся с вопросами, касающимися сущности реальности в ее традиционном, i.e. философском, понимании.

⁵ См., напр. Сearl [Searle] 1999.

Еще один момент. Неоднократно предпринимались попытки представить дело так, что поскольку реальность как таковая, *реальность за фактами* недостижима, то и говорить о ней нет смысла⁶. Несомненно, это веское основание. Как только мы начинаем говорить — мы говорим о фактах и ни о чем больше. Все остальное остается за пределами досягаемости, «за скобками».

⁶ Данной позиции, как мне кажется, придерживался ранний Людвиг Витгенштейн (Витгенштейн [Witgenstein] 2009). Можно предположить, что за метафорой «черного ящика», лежащей в основе бихевиоризма, также лежит стремление вынести реальность «за скобки» или объявить таковой совокупность фактов.

Я не стану оспаривать эту мысль по существу, а лишь приведу два сугубо *формальных* соображения в пользу того, чтобы оставить в теории понятие реальности в том виде, в каком я его представил выше. Вот эти соображения.

Во-первых, наличие дополнительного компонента («реальность») в основании теории делает дальнейшие построения более строгими.

Во-вторых, даже если мы уверены, что «изгнание» того или иного понятия никак не повлияет на выводы наших теорий сегодня, это вовсе не означает, что завтра без него можно будет точно так же обойтись. Поэтому, оставив такое понятие в теории, мы тем самым сделаем ее более *гибкой*. Вообще, иметь некоторый «излишек теории» никогда не помешает. Думаю, применять *бриту* Оккама следует с известной осторожностью. Каждое ее применение должно быть обоснованно чем-то большим, чем само по себе упрощение теории.

Далее. Между реальностью, понимаемой так, как я ее понимаю, и теорией нет *непрерывного перехода*, то есть перехода, заполненного чередой наблюдений, экспериментов, размышлений и логических выводов. До сих пор можно точно сказать только то, что есть реальность и есть теория, что теория вроде бы «репрезентирует» реальность (термин, наряду с «отражением» призванный представить как более или менее известное, более или менее понятное то, что на самом деле таковым не является), что реальность даже можно попытаться изменить путем воплощения некоторых положений теории и т.п., однако переход от реальности к теории и обратно все так же непостижим. Другими словами, между реальностью и теорией всегда существует *разрыв*, устранить который не представляется возможным — по крайней мере, через анализ

фактов. Создавая факты или *разлагая* их с помощью теории, мы тем самым отнюдь не приближаемся к реальности: она все время убегает от нас⁷. Точно так же, как, находя все более мелкие частицы материи, мы никак не можем ответить на вопрос, что же такое собственно материя (материя в данном случае — это еще одно название или, точнее, *обозначение* непознаваемой реальности)⁸.

⁷ Реальность всегда отодвигается, отступает в процессе познания (то есть по мере развития теории), превращая все, что мы знаем, в факты.

⁸ При этом реальность, реальность как таковая всегда есть в наличии, всегда доступна, дана нам, так сказать, в «непосредственном созерцании». Можно сказать, что нет ничего более доступного, более непосредственного, чем реальность.

Но, будучи неустранимым, только что упомянутый разрыв не является *непреодолимым*. Мы преодолеваем его каждый раз, когда *создаем* теории. Правда, преодолеть его можно только *мистическим* способом (воспользуюсь, за неимением лучшего, этим термином). Отчасти на это указывает то, что рождение теории всегда сопровождается озарением, вспышкой, *инсайтом*.

Да, разрыв между теорией и реальностью преодолим, более того, он преодолим *всегда*. В противном случае ни о каком соответствии теории и реальности вести речь было бы нельзя. Попытки некоторых философов объяснить появление тех или иных теорий, апеллируя к *врожденным идеям*, — это, с одной стороны, результат более или менее четкого (или смутного) осознания того, что устранить разрыв между реальностью и теорией невозможно, а с другой — один из вариантов его преодоления (примерно то же самое относится к *архетипам*).

Следует отметить, что разрывы существуют не только между реальностью и теорией, но и между теорией и фактами, между одним фактом и другим фактом, между фактами и реальностью⁹.

⁹ Хотя, честно говоря, далеко не всегда можно сказать, о каком именно разрыве (между чем и чем) идет речь.

Так с чем же тогда мы соотносим теорию? С фактами или с реальностью?

Теория — это набор символов. Не будь языка, не будь письменности, ни о какой теории не могло бы быть и речи. Факты, как уже говорилось, не могут существовать без теории; чтобы действительно *появиться*, факт должен быть описан. По сути, момент описания факта (в терминах теории) и есть момент его рождения. Что касается реальности, то она *принципиально невербальна*. То, что выражено в словах, *уже не реальность*. Соотносить же можно только то, что имеет одну природу. Поэтому теории всегда соотносятся исключительно с фактами.

Однако теории не даны нам как нечто готовое (точно так же, как и факты). Теории *творятся*. Творятся же они *познающим субъектом* как ответ на реальность, реальность, воспринимаемую, кстати сказать, *непосредственно*, во всей ее полноте (то есть не как «совокупность фактов»). Таким образом, хотя теория соотносится с фактами, *относится* она всегда к реальности.

О степени покрытия фактов теориями

Рассмотрим теперь более подробно отношения теории и фактов.

Социально-политический мир чрезвычайно сложен, подвержен постоянным изменениям, с трудом отслеживаемым и фиксируемым. Причем сложность эта с каждым столетием нарастает. И, похоже, ученые и философы уже не успевают за развитием событий. Конкретно

¹⁰ Вероятно, именно это имел в виду Джованни Сартори, когда говорил, что сегодня «теория бедна (poor), а данные (data) обманывают (cheat)» (Sartori 2009).

это выражается в том, что множество социально-политических фактов оказывается «не покрыто», не объяснено теорией в сколько-нибудь достаточной степени, а мы постоянно чувствуем *нехватку* теории¹⁰.

Каковы последствия данной ситуации? Прежде всего — одновременное существование нескольких альтернативных внутренне непротиворечивых теорий. Действительно, при таком положении дел (когда теории не покрывают всего множества фактов) теории могут противоречить друг другу, оставаясь при этом *подтвержденными фактами*, — ведь при имеющемся обилии последних всегда можно найти такие, которые будут свидетельствовать в пользу теории. Сравнить же можно только те теории, которые по-разному толкуют примерно *один и тот же* набор фактов.

Слабость теорий, их ограниченность обуславливают необходимость привлечения сразу нескольких теорий для анализа политических явлений и проблем. Можно было бы попытаться представить подобную практику как результат стремления проанализировать проблему с разных сторон, однако это, повторяю, не что иное, как следствие дефицита мощных теорий. В пользу данного предположения свидетельствует (пусть, может быть, и косвенно) то обстоятельство, что в естественных науках такая ситуация возникает довольно редко (самый известный пример — квантово-волновой дуализм).

Относительное обилие социально-политических фактов при недостатке теорий существенным образом влияет на то, как устанавливаются причинно-следственные связи между фактами, а точнее, приводит к тому, что такие связи устанавливаются во многом произвольно.

Причинная связь между фактами возникает только благодаря теории. Пока теории нет, мы можем в лучшем случае констатировать, что между некоторыми фактами есть некий неопределенный вид связи — возможно, случайный. По сути, любая развитая теория — это картина причинно-следственных связей между фактами.

Если фактов много, а теорий мало, то, как уже говорилось, между теориями практически не возникает действительно серьезной конкуренции. Дефицит конкуренции оборачивается тем, что теории оказываются недостаточно развитыми. Помимо всего прочего, это проявляется в том, что в них недостаточно обосновываются причинно-следственные связи между покрываемыми данными теориями фактами как в смысле их (причинно-следственных связей) направления, так и в плане их *наличия*.

Например, политическую нестабильность в той или иной стране часто объясняют неспособностью парламентских партий сформировать коалицию. Однако, во-первых, связь между этими фактами может быть обратной (то есть неспособность партий сформировать коалицию может быть вызвана политической нестабильностью), а во-вторых, оба этих факта могут быть следствиями *одной* причины. Или: что первично — конкуренция или богатство общества? Вполне возможно, что именно богатство позволяет конкурировать, создавая условия для воз-

никновения на одной почве, в одной среде по крайней мере двух соперничающих сил. Причем это касается как экономики, так и политики.

Складывается впечатление, что нередко связи между теми или иными фактами причинно-следственный характер приписывается просто в силу привычки мыслить именно таким образом, то есть в терминах «причина—следствие». Думаю, не последнюю роль здесь играет канон, задаваемый естественными науками.

Стоит отметить, что подобным *поспешным* приписыванием причинного характера связям между фактами грешат не только, так сказать, *пролетарии* интеллектуального труда, но и ученые и философы первого ранга. В их числе — Фридрих Энгельс и Ханна Арендт, чьи труды¹¹ прямо-таки изобилуют примерами, с одной стороны, блестящего установления связей между самыми разными феноменами, а с другой — поспешного приписывания этим связям причинно-следственного характера. Не менее показателен случай Ганса Моргентау, который объясняет изменение правил межгосударственных отношений подъемом демократических движений и национализма¹², хотя оба этих факта вполне могут быть следствиями *одной* причины.

Нельзя не упомянуть и о совсем уж странных ситуациях, когда упорно продолжают рассматривать в качестве само собой разумеющейся *уже оспоренную* или поставленную под сомнение причинную связь между явлениями (или направление этой связи). Так, хотя Вернер Зомбарт давно доказал, что между протестантизмом и капитализмом нет очевидной причинно-следственной связи¹³, мы до сих пор продолжаем превозносить Макса Вебера за то, что он якобы ее обнаружил (хотя, безусловно, нельзя отрицать, что обнаружение некоторой связи между этими явлениями было серьезным достижением).

Конечно, замена корреляции причинностью значительно упрощает картину или, лучше сказать, делает ее более четкой, *красивой*, а политическую теорию — больше похожей на теорию (прежде всего естественнонаучную), но это, пожалуй, единственное достоинство подобной замены. Радует, что в последнее время некоторые политологи¹⁴ начали открыто признавать, что не знают, как связаны те или иные политические феномены.

Важный вопрос, возникающий в связи с вышесказанным, таков: может ли связь между политическими фактами быть *непричинной*?

Должен признаться, что у меня пока нет окончательного мнения на этот счет. Тем не менее я хочу предложить некое видение ситуации, основанное на моем представлении о *реальности*. Суть его в том, что не стоит так уж переживать по поводу невозможности или трудности выявления характера связи между политическими фактами, поскольку они все равно *связаны реальностью*. Любые факты возникают из реальности, «погружены» в реальность и не могут существовать без нее, их «прочность», «надежность» обеспечены реальностью, которая располагает их так, как они расположены. Другими словами, *уверенность в реальности*, в ее наличии должна избавить нас от ощущения, что

¹¹ В первую очередь речь идет о «Происхождении семьи, частной собственности и государства» (Энгельс [Engels] 1961) и «Истоках тоталитаризма» (Арендт [Arendt] 1996).

¹² Morgenthau 1948a, 1948b.

¹³ Зомбарт [Sombart] 1994.

¹⁴ Например, Фрэнсис Фукуяма (см. Лекция [Lekcija] 2013).

все наше знание развалится, если мы не скрепим его с помощью причинности.

Возможно, истоки стремления подать связь между политическими фактами именно как причинно-следственную кроются как раз в нежелании (или страхе) признать существование находящейся за этими фактами реальности.

Именно непознаваемая и оттого пугающая реальность является общей «суперпричиной» любых фактов и корреляции между ними. Сколько бы мы ни развивали наши теории, сколько бы ни множили их (тем самым множа факты, которые, кстати говоря, потом приходится связывать причинно-следственными связями), мы все равно не достигнем ее «дна». Реальность все время будет ускользать от нас. А раз так, то не лучше ли нам вообще отказаться от требования связывать факты причинно-следственными связями, ограничившись лишь констатацией, что все они суть продукты общей реальности?

Ближайшее полезное следствие такой *установки* (если, конечно, мы ее примем) — мы станем меньше ошибаться в прогнозах. Просто потому, что избавимся от ложной уверенности, проистекающей из веры в то, что между теми или иными фактами имеется причинно-следственная связь.

И последнее замечание по поводу причинности и теорий. Можно предположить, что *нормативные теории* (или, точнее, теории, в которых превалирует эксплицитный нормативный компонент) потому так сильны, что они связывают факты максимально простыми, максимально прямолинейными причинно-следственными связями. Это обеспечивает таким теориям максимально возможную структурированность и стройность — качества, перед которыми трудно устоять как теоретическому, так и любому другому уму.

О произвольности связи теории и фактов

Обилие фактов при недостатке теории позволяет предположить, что выбор фактов, на которых строится теория, в большей мере определяется случайными обстоятельствами, чем «объективным запросом» со стороны общества. Возможно, именно поэтому все политические теории — *именные*, то есть в отношении таких теорий всегда важно, кто именно был их создателем.

Более детально эту ситуацию можно описать так. Наблюдая за политической жизнью, изучая письменные свидетельства прошлого, труды ранее живших авторов, некий человек составляет себе определенное представление о политической жизни, законах, ею управляющих и т.д. В конце концов в его голове складывается целостная картина. Если этот человек обладает необходимыми способностями и возможностями, он может представить эту картину в виде теории. Назовем такого человека *творцом теории*.

Если имеется *избыток* политических фактов, кто-то другой точно так же может, наблюдая и изучая, создать иную теорию, которая

будет существенно отличаться от первой, но при этом выглядеть вполне адекватной, удовлетворять предъявляемым к структуре теории требованиям и т.д.

Важнейшая особенность почти всех социально-политических теорий состоит в том, что они в значительной степени укоренены в сфере *мечтаный*. Стремление к «лучшей жизни» (не обязательно для себя — для человечества в целом) — это, пожалуй, чуть ли не главный мотив, который двигал и движет большинством творцов таких теорий. Другими словами, к созданию последних, возможно, побуждает не столько научный интерес к социально-политической реальности, познанию ее законов, сколько потребность в безопасности, стремление к счастью, удовлетворению и т.п. Реальность же играет здесь скорее отрицательную роль, ибо она воспринимается как не обеспечивающая автоматически ни безопасности, ни удовлетворения, ни счастья или даже препятствующая и первому, и второму, и третьему. Отсюда огромная роль в этих теориях *модернизаторского* компонента, направленного на преобразование реальности (как бы мы ее ни понимали), приведение ее в соответствие с требованиями человеческой психологии. Отсюда же, очевидно, и неизбежная *нормативность* большинства, если не всех, социально-политических теорий — во всяком случае, тех, что составляют сегодня их ядро. Однако, поскольку именно нормативные теории (например, сформулированные в виде *утопий*) служат основой для разработки всех остальных, подобная подчиненность социально-политической реальности внутренним мотивам, стремлениям и желаниям человека передается и им.

Представления о некоем желаемом состоянии общества имеют для общественных наук, пожалуй, не меньшее значение, чем принципы типа бесконечной делимости материи — для наук естественных. Именно эти представления структурируют социальные и политические науки. В результате идея идеального общества (государства) оказалась вмонтирована в их методологию. В силу этого их нормативность (иногда завуалированная — с помощью, например, математических методов), скорее всего, неискоренима, попытки же элиминировать идею об идеальном обществе и/или государстве разрушат все здание общественных наук¹⁵. В связи с последним замечанием позволю себе высказать предположение, что вся западная политология — это попытка втиснуть реальность в нормативную модель государства 300-летней, а то 2000-летней давности (или *выпутаться* из нее).

Особенность (или *особость*) любой социально-политической теории, обусловленная случайностью набора фактов, на которых она строится, а также ее завязанностью на личность творца, приводит к тому, что вероятность получить на нее широкий «отклик» (в какой бы то ни было форме) достаточно мала¹⁶. Попросту говоря, проблемы, которые кажутся важными автору теории, могут не показаться таковыми большинству его современников. Причем еще неизвестно, действительно ли всегда тому виной близорукость современников.

¹⁵ О нормативности в общественных науках см., напр. Israel 1972 или Turner 2010.

¹⁶ Естественно, указанная причина — не единственная и, возможно, даже не главная.

Вследствие этих и других обстоятельств, на которых сейчас нет необходимости останавливаться, социально-политические теории могут долгое время не находить применения и, постепенно накапливаясь, образовывать, так сказать, *резерв теорий*. Тем не менее в какой-то момент та или иная теория может найти своих почитателей среди политиков или лиц, стремящихся осуществить некие общественные преобразования.

Например, в конце XIX — начале XX в., когда мир в очередной раз пришел в движение, многие созданные к тому времени теории действительно оказались востребованы. Каждое течение «выбирало» (можно и без кавычек) более или менее подходящую себе. Вот что пишет Арендт в «Истоках тоталитаризма»: «Время отставания серьезного политического применения пандвиженческой идеологии от времени ее оформления характеризуется тем фактом, что „Протоколы сионских мудрецов“, сфабрикованные около 1900 г. агентами русской тайной полиции по наущению Победоносцева, политического советника Николая II и единственного панслависта, когда-либо занимавшего влиятельный пост, оставались полузабытым памфлетом до 1919 г., когда они начали поистине триумфальное шествие по всем европейским странам и языкам. Приблизительно через 30 лет после фабрикации распространение „Протоколов“ уступало только „Майн кампф“ Гитлера»¹⁷. А вот цитата из другого произведения Арендт: «Чтобы покинуть пределы научной и философской мысли и достичь области политики, странному пафосу новизны, столь характерному для современной эпохи, потребовались почти две сотни лет»¹⁸.

¹⁷ Арендт [Arendt] 1996: 546.

¹⁸ Арендт [Arendt] 2011: 57.

NB! Следует заметить, что хотя «Протоколы сионских мудрецов» не являются теорией в строгом смысле слова, их можно трактовать как *репрезентацию* (ориентированную на массового читателя) или, по крайней мере, коррелируют некоторого набора «настоящих» теорий. Отношение к таким произведениям массового читателя можно, вероятно, рассматривать как показатель распространенности соответствующих теорий среди «интеллектуалов».

Неизвестно, насколько точно эти теории соответствуют воззрениям тех, кто остановил на них свой выбор, — расхождения, похоже, могут быть значительными. Свою роль здесь играют все тот же относительный избыток фактов и особенности рождения теорий.

Эти же особенности происхождения теорий (а также — и прежде всего — завязанность последних на сферу желаний и индивидуальные качества творца) позволяют предположить, что *теория в большей степени отражает порождающую ее человеческую природу, чем социально-политическую реальность*. Или, через идею о неизбежной нормативности политических теорий: поскольку основная *интенция* таких теорий есть выражение стремления к некоему идеальному общественному состоянию, вся политическая наука является развертывани-

¹⁹ *Существование архетипов как возможного основания теорий — дополнительный аргумент в пользу того, что процесс развития теорий относительно независим от социально-политической реальности: эта реальность является лишь поводом для манифестации архетипов.*

²⁰ Коллингвуд [Collingwood] 1980.

²¹ Мангейм [Manheim] 1994. См. также Тойнби [Toynbee] 1996.

²² Как именно — см. выше, где речь шла об отрицательном значении реальности.

ем человеческих представлений об этом идеальном состоянии (а также объяснений, почему попытки достичь его не увенчиваются успехом)¹⁹.

Мы находим в истории процесс развертывания человеческой природы²⁰. Однако это вовсе не означает, *что это все, что там есть*. В ходе развертывания своей природы мы действуем в чем-то, что, возможно, одновременно развертывает *свою*. Думаю, именно поэтому реальность так часто нас *удивляет* (i.e. прогностические возможности наших теорий оказываются весьма ограниченными) — ведь мы часто *просто не обращаем на нее достаточного внимания*.

Другими словами, *политическая теория и политическая реальность существуют в значительной степени независимо друг от друга, как сказать, параллельно*.

Из этого заключения с неизбежностью вытекает, что характер взаимодействия теории и реальности далек от линейности, однозначности и, я бы сказал, *ритмичности*. В этом я, очевидно, расхожусь, например, с Карлом Мангеймом, считавшим, что любая модернистская теория («утопия») порождается социально-политической реальностью как ответ на бросаемые этой реальностью вызовы. Побуждаемые верой в некую модернистскую теорию люди начинают менять — непосредственно или через политиков — политические, социальные, экономические и прочие институты. Через некоторое время новая социальная реальность порождает новую модернистскую теорию, которая приходит на смену старой, и т.д.²¹ То есть взаимодействие между теорией и реальностью можно охарактеризовать как *диалог*.

Согласен, что в первом приближении подобное *сосуществование* теории и реальности выглядит более предпочтительным и, так сказать, более *понятным*, чем предложенный мною вариант. Тем не менее, как мне кажется, рисуемая Мангеймом картина во многом упрощает действительное положение вещей. Ведь даже если предположить, что появление теории инспирировано реальностью²², ответное вторжение теории в реальность происходит лишь изредка. Иначе говоря, если диалог между теорией и реальностью и присутствует, то диалог сбивчивый, так что не всегда понятно, кто задает вопрос, а кто отвечает. Между вопросом и ответом при таком диалоге может пройти значительное время (даже столетия), ответ, по видимости данный на один вопрос, может оказаться ответом на другой и т.п. Соответственно, этот диалог на самом деле больше похож на два *монолога* — один теории, другой — реальности.

О самодовлении теории и о подмене реальности теорией

Корпус теорий уже в силу самого своего существования представляет собой нечто замкнутое, самодостаточное, самодовлеющее. Сталкиваясь с тем или иным фактом, люди неизбежно обращаются к этому корпусу, чтобы данный факт как-то объяснить. Иногда теории вполне удовлетворительно справляются с этой задачей, иногда — не очень. Что происходит во втором случае? Некоторые ученые полагают, что теория

²³ Кун [Kuhn] 1977; Поппер [Popper] 1983.

²⁴ Лакатос [Lakatos] 2003.

²⁵ Другими словами, факты часто не влияют на теорию просто в силу того, что они в нее не вписываются.

отвергается²³, другие — что она *дополняется*²⁴. Да, часто так и бывает. Однако еще чаще факты, вроде бы противоречащие выводам теории, просто *игнорируются*. Причем не намеренно, не со «злым умыслом» (например, с целью сбредить теорию или пощадить самолюбие ее создателя), а просто из-за того, что им не находится места в теории, что они в нее *не вписываются*²⁵. В свою очередь это возможно (или даже *необходимо*) потому, что массив теорий занимает слишком значительный объем сколько-нибудь развитого сознания (чуть ли не в *физическом* смысле) и *думать* автоматически получается только (преимущественно) теориями, в терминах теории. Таким образом, не факты имеют приоритет над теорией, а теория или, точнее, массив теорий (как раз во многом в силу этой самой *массивности*) имеет приоритет над фактами. Подчеркну: это вопрос не рационального выбора (или даже предрассудков). Это вопрос едва ли не *физиологии*.

Думаю, не последнюю роль в данных процессах играет то обстоятельство, что теории автоматически «цепляют» только те факты (стороны фактов), которые имеют какое-то касательство — пусть отдаленное — к тому, о чем толкуют теории, при этом «поворачивая» их (факты) соответствующим образом. (Происходит это, вероятно, благодаря ассоциативным механизмам работы мышления.) И опять же: «зацепляются» и «поворачиваются» факты так, как они зацепляются и поворачиваются, именно потому, что теории в своей совокупности представляют слишком значительное по массе «тело», обладающее собственным — иногда очень мощным — «притяжением».

В силу очерченных обстоятельств *одна* теория, теория, не включенная в корпус других теорий, слабо с ними связанная, противоречащая им, лишь с большим трудом может пробить себе дорогу, найти признание. Пусть даже она и более «истинная», чем остальные. Особенно это характерно для гуманитарных теорий, слишком абстрактных и часто не имеющих отработанной технологии верификации.

Устоявшаяся теоретическая традиция (то есть, попросту говоря, хорошо сцепленный набор теорий), во-первых, сама по себе отторгает не вписывающиеся в нее теории, а во-вторых, заставляет перетолковывать факты в соответствующей ей манере (или просто их *игнорировать*). Причем, даже если у человека есть сомнения по поводу адекватности некоторого теоретического аппарата, он все равно вынужден им пользоваться — просто потому, что другого нет или этот другой аппарат недостаточно развит²⁶.

Возможно, мы называем некий режим *демократией* (или производными от этого термина — например, *квазидемократией*) только потому, что у нас нет столь же развитой альтернативной теории, которая бы позволила назвать его по-другому. Несмотря на то что теория демократии как научно-исследовательская программа уже давно вступила в фазу стагнации²⁷, она продолжает определять *образ теоретизирования* — ибо, как уже было сказано, на сегодня не существует другой теоретической системы, которая могла бы сравниться с ней по степени развитости.

²⁶ В данном случае я не рассматриваю причины, по которым так происходит. Однако не могу не заметить, что они часто находятся в далеких от науки областях.

²⁷ Об этом см. Швырков [Shvyrkov] 2010.

Следует отметить, что в тех случаях, когда в силу тех или иных обстоятельств нам приходится пользоваться недостаточно развитыми или недостаточно современными теориями, мы всегда чувствуем более или менее выраженный люфт между тем, что хотели бы сказать, и тем, что говорим в действительности. Этот люфт возникает как раз по причине неразвитости необходимого концептуального аппарата, бедности соответствующего *словаря*, если угодно.

Сказанное позволяет дополнить рассуждения о диалоге между теорией и реальностью (или его отсутствии), зайдя, впрочем, с несколько иной стороны.

Речь — это тонкая структура, «накинутая» на «материальную», «вещную» реальность. Связь между речью и реальностью далеко не всегда однозначна, линейна и вообще не всегда может быть четко прослежена. Другими словами, речь во многом независима от реальности и образует вполне самодостаточную, замкнутую сферу.

Возможность относительной независимости речи от реальности, вероятно, является глубинной причиной, так сказать, *последним основанием* возможности той относительной независимости теории от реальности, которая обсуждалась выше.

Подобная независимость речи — а значит, и теории — от реальности выступает одним из факторов, ответственных *за подмену реальности теорией*. Вот конкретный пример того, как это может происходить и к чему это приводит.

Любая политическая теория в значительной степени опирается на *историю*. Точнее, не собственно на историю — поскольку последняя не дана нам непосредственно, — а на некий корпус исторических текстов. Коль скоро история оказывается *только* текстом (ибо, повторяюсь, история как таковая нам в принципе недоступна), человек склонен и ту реальность, к которой относится исторический текст, рассматривать как текст, а не как нечто большее. Причем опять же не из «злого умысла», а просто потому, что ничего иного, кроме текста, у него нет. То же, что не попало в текст, те идеи, которые не нашли в нем своего отражения, те черты реальности, которые не были зафиксированы в тексте, оказываются вне сферы охвата мышления (отчасти именно поэтому почти вся наша история — это *политическая* история²⁸).

Связь между историческими текстами и теориями несравнимо теснее, чем между теорией и реальностью или историческим текстом и реальностью. По большому счету, любая теория содержит в себе элемент исторического текста, а любой исторический текст — элемент теории (но ни то ни другое, очевидно, не является политической реальностью). Но поскольку мы воспринимаем историю как текст, считая при этом текст собственно историей, связь между историей (уже как таковой, а не текстом) и теорией представляется нам куда более тесной, чем это, возможно, есть в действительности. В частности это выражается в том, что те или иные теории (или сформулированные в них идеи) мы начинаем считать *причиной* тех или иных исторических событий. Однако же,

²⁸ Одна из самых известных попыток исправить это положение была, как известно, предпринята Фернаном Броделем (Бродель [Braudel] 2006).

подчеркну еще раз, исторический текст — это не история, а теория — не реальность.

²⁹ *Поппер [Popper] 1992.*

В свете только что сказанного идеи того же Платона или Карла Маркса окажутся гораздо менее *роковыми*, чем считал Карл Поппер²⁹, а русская и другие революции предстанут не столько как пример разрушительного действия теории, сколько как пример *злосчастной ошибки* в оценке степени ее, теории, влияния на реальность.

Библиография

Арендт Х. 1996. *Истоки тоталитаризма.* — М. [Arendt H. 1996. Istoki totalitarizma. — M.].

Арендт Х. 2011. *О революции.* — М. [Arendt H. 2011. O revoljucii. — M.].

Бродель Ф. 2006. *Материальная цивилизация.* — М. [Braudel F. 2006. Material'naja civilizacija. — M.].

Витгенштейн Л. 2009. *Логико-философский трактат.* — М. [Wittgenstein L. 2009. Logiko-filosofskij traktat. — M.].

Зомбарт В. 1994. *Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека.* — М. [Sombart W. 1994. Burzhua: Ehtjudy po istorii dukhovnogo razvitija sovremennogo ehkonomiceskogo cheloveka. — M.].

Киссинджер Г. 1997. *Дипломатия.* — М. [Kissinger H. 1997. Diplomacija. — M.].

Коллингвуд Р.Дж. 1980. *Идея истории // Коллингвуд Р.Дж. Идея истории: Автобиография.* — М. [Collingwood R.G. 1980. Ideja istorii // Collingwood R.G. Ideja istorii: Avtobiografija. — M.].

Кун Т. 1977. *Структура научных революций.* — М. [Kuhn T. 1977. Struktura nauchnykh revoljucij. — M.].

Лакатос И. 2003. *Методология исследовательских программ.* — М. [Lakatos I. 2003. Metodologija issledovatel'skikh programm. — M.].

Ларсен С.У. (ред.) 2009. *Теория и методы в современной политической науке: Первая попытка теоретического синтеза.* — М. [Larsen S.U. (red.) 2009. Teorija i metody v sovremennoj politicheskoj nauke: Pervaja popytka teoreticheskogo sinteza. — M.].

Лекция футуролога Фукуямы в Киеве. 2013 [Lekcija futurologa Fukuyamy v Kieve. 2013] (http://news.liga.net/video/society/897738-lektsiya_futurologa_fukuyamy_v_kieve_videotranslyatsiya_na_1_ga_net.htm#).

Мангейм К. 1994. *Идеология и утопия // Мангейм К. Диагноз нашего времени.* — М. [Manheim K. 1994. Ideologija i utopija // Manheim K. Diafnnoz nashego vremeni. — M.].

Поппер К. 1983. *Логика научного исследования // Поппер К. Избранные работы.* — М. [Popper K. 1983. Logika nauchnogo issledovanija // Popper K. Izbrannye raboty. — M.].

Поппер К. 1992. *Открытое общество и его враги.* — М. [Popper K. 1992. Otkrytoe obshhestvo i ego vragi. — M.].

- Серл** Дж. 1999. *Конструирование социальной реальности*. — М. [Searle J. 1999. *Konstruirovanie social'noj real'nosti*. — М.].
- Тойнби** А.Дж. 1996. *Постижение истории*. — М. [Toynbee A.J. 1996. *Postizhenie istorii*. — М.].
- Франк** С.Л. 1990. Непостижимое // Франк С.Л. *Сочинения*. — М. [Frank S.L. 1990. *Nepostizhimoe* // Frank S.L. *Sochinenija*. — М.].
- Фуко** М. 2010. *История безумия в классическую эпоху*. — М. [Foucault M. 2010. *Istorija bezumija v klassicheskuju ehpokhu*. — М.].
- Швырков** А.И. 2010. Конец демократии, или Демократия как научно-исследовательская программа // *Credo New*. № 4 [Shvyrkov A.I. 2010. *Konec demokratii, ili Demokratija kak nauchno-issledovatel'skaja programma* // *Credo New*. № 4].
- Энгельс** Ф. 1961. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. *Собрание сочинений*. 2-е изд. Т. 21. — М. [Engels F. 1961. *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva* // Marx K., Engels F. *Sobranie sochinenij*. 2-e izd. T. 21. — М.].
- Israel** J. 1972. Is a Non-Normative Social Science Possible? // *Acta Sociologica*. № 15.
- Morgenthau** H.J. 1948a. The Twilight of International Morality // *Ethics*. Vol. 58. № 2.
- Morgenthau** H.J. 1948b. World Politics in the Mid-Twentieth Century // *The Review of Politics*. Vol. 10. № 2.
- Sartori** G. 2009. Roundtable Discussion: Logic, Concepts and Political Science: Problems, Challenges, Prospects // *21st IPSA World Congress of Political Science «Global Discontent? Dilemmas of Change»*. — Santiago (http://videolectures.net/ipsa09_sartori_lcps/).
- Turner** S. 2010. *Explaining the Normative*. — Oxford.